

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3893890>
УДК 343.974

Соснина А.А.

Соснина Анастасия Андреевна, аспирант Института психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Тюменский Государственный Университет», 625007, Россия, г. Тюмень, проезд 9 Мая, д. 5. E-mail: anastasiamaltseva72@mail.ru.

Особенности и причины экстремизма в молодежной среде

Аннотация. В статье рассматривается молодежь как социальная группа, склонная к проявлению экстремизма. Выделяются детерминанты экстремизма, связанные с социальным статусом и психолого-возрастными особенностями молодежи (экстремальность, неустойчивый переходный социальный статус, не сформировавшееся сознание, инновационная активность, аффективное восприятие действительности). На основании анализа научной литературы и данных эмпирических исследований, определены как объективные (социальные, экономические, идеологические, культурные особенности социальной действительности), так и субъективные факторы (неустойчивый социальный статус, проблемы с социализацией, экстремальность как состояние сознания и поведения, некритичное, парадоксальное мышление и отсутствие жизненного опыта) формирования мировоззрения молодых людей, и его взаимосвязь с экстремистскими действиями.

Ключевые слова: экстремизм; молодежный экстремизм; предикторы экстремизма; особенности; молодежь; подростковый возраст.

Sosnina A.A.

Sosnina Anastasia Andreevna, post-graduate, Institute of psychology and pedagogy, Tyumen State University, 625007, Russia, Tyumen, 9 May st., 5. E-mail: anastasiamaltseva72@mail.ru.

Features and causes of extremism among young people

Abstract. The article considers youth as a social group prone to extremism, the determinants of extremism associated with the social status and psychological and age characteristics of youth (extreme, unstable transitional social status, unformed consciousness, innovative activity, affective perception of reality) are highlighted. Based on the analysis of scientific literature and empirical research data, both objective (social, economic, ideological, cultural features of social reality) and subjective factors (unsettled social status, problems with socialization, extreme as a state of consciousness and behavior, uncritical, paradoxical thinking and lack of life experience) of the formation of the worldview of young people, and its relationship with extremist actions are determined.

Key words: extremism; youth extremism; predictors of extremism; features; youth; adolescence.

В последнее десятилетие политическое и социальное напряжение в России и мире обострилось: увеличивается количество протестных акций, митингов, вызванных недовольством социальной политикой; уменьшается возраст правонарушителей, а их действия становятся все более активными. Так, с

января по декабрь 2019 г. в России на 7,6% (с 1 679 до 1 806) по сравнению с предыдущим годом возросло количество преступлений террористического характера, число деяний экстремистской направленности составило 585 случаев [2]. Всплеск экстремистской активности наблюдается в возрасте от 14 до 18 лет

(73%), от 18 до 25 лет – 15 %, от 25 до 30 лет – 9,6 %, и лишь 2,5 % - это лица, старше 30 лет [6]. Это связано, в первую очередь с тем, что у молодых людей только формируется мировоззрение и гражданское сознание, жизненные ценности и ориентиры, происходит адаптация к «миру взрослых». В связи с этим особую актуальность приобретает определение особенностей молодежного экстремизма.

В юридической литературе под экстремизмом понимается деяние, направленное на насильственный захват или удержание власти, посягательство на общественную безопасность (Шанхайская конвенция от 15 июня 2001 г). П. Т. Коулман и А. Бартоли определяют экстремизм как деятельность (а также убеждения, отношение к чему-то или кому-то, чувства, действия, стратегии) личности, далекие от обычных, общепринятых. В.И. Красиков рассматривает экстремизм как систему взглядов на мир, особую форму сознания. В.С. Мартыанов и Л.Г. Фишман основным компонентом экстремизма считают практическую деятельность. Л.Я. Гозман и Е.Б. Шестопап определяют экстремизм как форму политической позиции индивида, характеризующейся сильным эмоциональным компонентом. В.Т. Лисовский в качестве основной причины экстремизма видит экстремальность природы человека. Об экстремальности как причине экстремистских действия говорят и В.И. Чупров и Ю.А. Зубок. Они предлагают понимать экстремальность как существенную характеристику молодежи: различные формы проявления максимализма в сознании и крайности в поведении на групповом и индивидуально-личностном уровне. На полюсах экстремальных настроений крайними состояниями являются фанатизм, представляющий радикальную направленность сознания, и нигилизм, отражающий преимущественно депрессивное его состояние, отказ от всего.

М.Я. Яхъев в качестве особенности экстремистской идеологии выделял оппозицию «свой – чужой», «мы - они», что является значимым фактором, объединяющим людей разных взглядов и спо-

собствующим созданию коллектива единомышленников с четкими представлениями об образе врага, с которым необходимо бороться всеми доступными средствами, в том числе - крайними. Подобное противопоставление наиболее ярко прослеживается в экстремистских действиях молодых людей в возрасте 14-30 лет, что подтверждается масштабным исследованием (более 2 тыс. опрошенных) российской молодежи, проведенном в 2005-2007 гг. Швейцарской академией развития (SAD) совместно с Левада-Центром. По результатам исследования [10, с. 22- 36], среди российской молодежи был зафиксирован высокий уровень социальной нестабильности и напряженности, который во многом основывался на оппозиции «свой-чужой», «они-мы»:

– Разрыв менталитета между поколением молодых россиян и их родителями. 43% опрошенных чувствовали, что родители их не понимают, более 40% указывали, что не будут применять к своим детям те методы воспитания, что были применены к ним (в сравнении с 27% опрошенных представителей ФРГ). В качестве основных причин исследователи выделили: большое число матерей-одиночек, домашнее насилие и проживание «под одной крышей» нескольких поколений семьи (бабушки и дедушки, родители, дети).

– Разочарование на рынке труда. Стремясь к независимости, молодые люди рано начинают трудовую деятельность, где сталкиваются с несправедливостью, неурегулированием рынка труда, безнаказанностью за неофициальное трудоустройство, неспособностью отстаивать свои права, предпочтением использования труда мигрантов и т.д.

– Неуверенность в собственном будущем. Несмотря на улучшения в экономике, молодые россияне чувствуют себя неуверенно, говоря о своем видении будущего. Только 39% респондентов уверены в будущем.

– Чувство незащищенности и несправедливости. 51% считают, что боль-

шинству в наше время нельзя доверять. 73% говорят, что люди глухи к проблемам других людей. Большинство ощущает несправедливость, отсутствие чувства безопасности (53% считает, что насилие является нормальным положением дел в стране, 75% – что межличностное насилие широко распространено).

– Недоверие к власти. Несмотря на высокое доверие к Президенту (73% поддерживали политику В.В. Путина), лишь 39% доверяли действиям правительства. Причем 65% респондентов утверждали, что полагаются только на себя и стараются избегать любого взаимодействия с властями.

– Высокий уровень нетерпимости среди российской молодежи, выражающийся в отношении к народным меньшинствам и нелегалам. 22% настаивают на «ликвидации» (депортации) незаконных иммигрантов, 21% утверждают, что нелегальные иммигранты должны быть изолированы. Учитывая, что количество нелегалов в России оценивается от 5 до 15 миллионов человек, потенциал для конфликта огромен. 55% отметили свое неприятие и враждебность по отношению к людям с Кавказа (что значительно выше уровня нетерпимости по отношению к представителям Китая, Азии, Африки).

Приведенные результаты подтверждают выдвинутое Л.С. Атаевым и В.П. Багазеевым определение экстремизма как логического следствия и отражения социальных факторов. Подобное фиксируется и в статистических данных экстремистских правонарушений и преступлений: за 2007 год в России зарегистрировано 356 случаев, за 2008 г. – 460, в то время, как за 2005 г. – всего 152 случая, 2004 г. – 130 [6].

Проблемы во взаимоотношениях с родителями и окружением, экстремальность, не сформировавшееся сознание, неустойчивый переходный социальный статус, аффективное восприятие окружающей действительности и инновационная активность – это лишь немногие

особенности молодежи, вызванные высоким уровнем социальной нестабильности и напряженности, однако именно они определяют отличительные характеристики молодежного от «взрослого» экстремизма. В этом случае для молодежи экстремальные действия, идеология, мировоззрение воспринимается как способ (зачастую неадекватный) разрешения социально-экономических противоречий в области классовых, межэтнических, религиозных и иных социальных отношений, что в своих работах выделял В.С. Кудрин; является реакцией индивида на неблагоприятные факторы окружающей среды, что проявляется и закрепляется в поведении, формируя маргинальность, неконформизм и конформизм, жестокость и агрессивность, психологическую зависимость от группы, демонстративность и другие формы девиантного поведения, отмеченные О.А. Плотниковой и А.В. Барнашем.

Жестокость и агрессивность также могут выступать предикторами экстремистского поведения молодежи, что в своих работах отмечала О.Ю. Михайлова. Она связывала характерные для молодежного экстремизма резкие противопоставления «своих» и «чужих» с проявлениями насилия, жестокостью и агрессией, где под жестокостью понимается «неспособность субъекта увидеть в другом такого же человека, как он сам, «нечеловеческое» отношение к другому человеку и к миру в целом» [7, с. 1-10]. То есть, в основе жестокости лежит нарушение ценности «другого Я», другого человека, её субъективное принижение. Жестокость может выступать как признак несформированности способности к рефлексии: жестокие поступки детей не определяются еще внутренней логикой их характера, а в значительной степени обусловлены внешней ситуацией, что при отсутствие должной коррекции и оценки со стороны окружающих может «превратиться» в устойчивую характеристику личности. Также жестокость может возникнуть как результат трансформации сложившейся ранее системы отношений с миром, пере-

оценки ценностей, изменении всей ценностно-смысловой сферы. В молодежной среде (в особенности в школе) жестокость и экстремизм могут проявляться в форме «буллинга» - травли детей со стороны сверстников, издевательства над ними; или его интернет аналога – кибербуллинга (травля при помощи социальных сетей, съемка и выкладывание в общий доступ оскорбительных и унижающих личное достоинство жертв фотографий и видеороликов). Данные действия сложно в должной степени отнести к действиям экстремистского характера, однако они являются прямым проявлением насилия, жестокости и отсутствия у субъекта эмоциональной реакции эмпатии, что уже может трансформироваться в совершение правонарушений большей тяжести.

Насилие в молодежной среде, являясь одним из основных источников смертности и травматизма населения, привлекло внимание экспертов ВОЗ [12]. Пик насилия приходится на поздний подростковый и ранний взрослый возраст (15-29 лет). Его появлению способствуют проблемы с психическим здоровьем, плохая успеваемость в школе, употребление психоактивных веществ в подростковом возрасте, проблемы социального окружения и многое другое.

Гиперактивность, проблемы со вниманием, плохой поведенческий контроль, импульсивность в детском и подростковом возрасте в большей степени приводят к рискам вовлечения в насильственную деятельность. Новозеландское исследование выявило, что дети с неконтролируемым поведением в возрасте 3 лет чаще вовлекались в преступления в возрасте 21 года [9, с. 1033-1039]. Исследование лиц 14-18 лет в Финляндии показало взаимосвязь между вовлечением в действия насильственного характера и психологической травмой или подавленным настроением в прошлом месяце [11, с. 617-620]. По мнению исследователей ВОЗ, склонности к насилию связаны с психологическими условиями и генетической предрасположенностью, которые, в сочетании с неблагоприятной детской

средой, могли увеличить риск насильственного поведения молодого человека.

В подростковом и раннем юношеском возрасте предиктором экстремистских действий могут выступать и проблемы во взаимоотношениях с родителями, которые воспринимаются молодыми людьми также в системе «свой» - «чужой». Р. Агню рассматривал экстремистское поведение в контексте социальных отношений людей, опирающихся на отрицательные отношения с другими единицами общества. Он выдвинул свою теорию напряжения, где в качестве его причин видел неудачи в достижении положительных целей, лишение положительно оценивающей стимуляции и преобладание отрицательных стимулов, что зачастую может проявляться при неудовлетворенности отношений с близкими людьми – в первую очередь – с родителями. Взаимосвязь экстремистских установок молодежи с особенностями их взаимоотношений с родителями были рассмотрены в рамках исследования Т.А. Коваленко (г. Комсомольск-на-Амуре, 2018 г.) [4]. С помощью методики изучения экстремистско-деструктивных установок К.В. Злоказова, психогеографического теста С. Деллингер и проективной методики «Семейная социограмма» Э.Г. Эйдемиллер, была выявлена достоверная положительная корреляционная связь ($r_s=0,330$) между ксенофобией и отрицательным отношением с родителями: чем хуже молодые люди относятся к своим родителям, тем больше они стремятся избегать контакта с представителями других национальностей и религий. Кроме того, при благоприятном отношении с матерью и отцом и значимостью их фигур в жизни подростка, уменьшается неприязнь к другим национальностям, живущим на одной территории с ними. Эти данные согласуются с исследованием Ю.М. Антоняна [1, с. 72-74] которое показывает, что основной причиной возникновения экстремистских наклонностей считаются неблагоприятные детско-родительские отношения.

Проведенное в 2018 году С.В. Яремчук и С.М. Ситяевой исследование предикторов экстремистских установок молодежи Хабаровского края Дальнего Востока России [8, с. 13-14] (выборка – 355 человек: 148 школьников, 82 студента ссузов, 72 студента вузов и 53 рабочих) позволило выявить, что место обучения является значимым предиктором выраженности экстремистских установок в возрасте от 17 до 21 года (уровень экстремистских установок школьников, а в дальнейшем студентов вузов существенно ниже, чем у их сверстников, получающих среднее специальное образование). Кроме того, чем старше становятся юноши и девушки, тем в большей степени они разделяют дискриминирующие установки по отношению к людям иной религии, нации и социальной группы, тем в большей степени они стремятся исключить из сферы своих контактов подобных людей. Фанатические установки преимущественно предсказываются возрастом респондентов: чем старше, тем более выражен фанатизм; ксенофобические – полом (ксенофобия сильнее проявляется у юношей, чем у девушек), а националистические – всеми тремя объективными переменными (возрастом, полом и видом занятости), проявляясь более сильно в более старших по возрасту группах молодежи, сильнее у юношей, работающей молодежи и студентов средних специальных учебных заведений.

Согласно результатам исследования Московского городского психолого-педагогического университета [3, с. 21-39], проведенного в 2014 г., «экстремистское поведение вызвано не столько неблагополучным материальным положением семей или влиянием какой-либо идеологии, сколько потребностью молодых людей в экстремальной активности, агрессивностью и доминированием ценности власти».

Исследование Краснодарского Университета МВД России в 2017 г. [5, с. 144-158] выявило противоречивую, недостаточно эффективную роль государства в процессе вхождения молодежи во

взрослую жизнь: большинство российской молодежи иногда ощущает социальную несправедливость (61,1%). Выделяется радикально настроенная группа респондентов, постоянно ощущающая на себе социальную несправедливость общества (24,8%). Здесь объясняются причины самовыражения, отмеченного московским исследованием, через экстремистский характер: молодежный экстремизм в России выступает следствием дисфункциональности молодежной политики и системных социальных противоречий российского общества, прежде всего, в духовной и социально-коммуникативной сферах.

Проанализировав перечень факторов становления молодежного экстремизма, выделенных Всемирной организацией здравоохранения, и сопоставив их с результатами приведенных выше исследований, можно выделить следующие факторы, лежащие в основе молодежного экстремизма как социальной проблемы [12]:

1) факторы, касающиеся отдельной личности (дефицит внимания, гиперактивность, расстройство поведения или другие поведенческие расстройства; вовлечение в преступную деятельность; употребление алкоголя, наркотиков и табака с раннего возраста; низкий интеллект и уровень образования; экстремальность как имманентное состояние сознания и поведения молодежи; не сформировавшееся сознание, социокультурный облик молодых людей; переходный социальный статус молодежи; эмоционально-чувственное, аффективное восприятие окружающей действительности; инновационная активность, жажда новизны, поиск способов самореализации; не критичное, парадоксальное мышление, отсутствие опыта, неумение анализировать причины и последствия социальных действий.);

2) факторы, касающиеся близких людей, в частности, членов семьи, друзей, сексуальных партнеров и ровесников (дисбаланс системы социализации, воспитания социального развития молодого поколения, слабый контроль и надзор за

детьми со стороны родителей; жесткие, слабые или непоследовательные меры воспитания со стороны родителей; отсутствие доверия между родителями и детьми; низкий уровень авторитета родителей в глазах детей; слабое участие родителей в занятиях детей; злоупотребление психоактивными веществами или криминальная деятельность родителей; низкий уровень дохода в семье; безработные члены семьи; контакты со сверстниками, занимающимися преступной деятельностью);

3) факторы, касающиеся местного сообщества и общества в целом (неравенство в получении высоких уровней доходов; неравенство при трудоустройстве; проблемы миграционной политики и трудоустройства мигрантов; бедность; качество управления в стране (законы и

уровень их соблюдения, а также политика в области образования и социальной защиты, дисфункции системы СМИ, ее отказ от освещения социальных проблем).

Таким образом, молодежный экстремизм – социальное явление, свидетельствующее о дисфункциональности в обществе, нарушениях процесса социализации и социального развития молодежи. Отсутствие опыта, категоричность взглядов и неумение молодых людей в силу возрастных особенностей адаптироваться к быстро изменяющимся социальным реалиям приводит к формированию у данной группы людей экстремальности сознания и настроений, что, под воздействием определенных внешних или внутренних факторов, способно перерасти в экстремистские установки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян Ю.М. Экстремизм и его причины / под ред. Ю. М. Антоняна. М.: Логос, 2010. 285 с.
2. Состояние преступности России (за январь-декабрь 2019 г) // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное управление правовой статистики и информационных технологий. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf
3. Характеристика экстремизма в молодежной среде и его профилактика в образовательной организации (по результатам экспертного опроса) / Кирсанов А. И., Давыдов Д. Г., Завальский А. В., Скрибцова Н. А. // Психологическая наука и образование. М., 2014. №1. С. 21-39.
4. Коваленко Т. А. Взаимосвязь экстремистских установок молодежи с особенностями их взаимоотношений с родителями // Региональная Россия: история и современность. Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (г. Комсомольск-на-Амуре, 19 декабря 2018г.). Комсомольск-на-Амуре: АмГПУ, 2018. С. 108-114. URL: <http://www.amgpgu.ru/activity/scinsce/benefits/4350/47823608/?id=16>
5. Лазарев Д. А. Молодежный экстремизм в условиях трансформирующегося российского общества: проблемы профилактики и противодействия // Социальное здоровье: проблемы и решения. 2018. № 3. С. 144-158.
6. Состояние преступности // Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports>
7. Михайлова О. Ю., Романко О.А. Жестокость как предиктор молодежного экстремизма // Мир науки. 2016. Том 4. №5. С. 1-10.
8. Яремчук С. В., Ситяева С. М. Пол, возраст и вид занятости как объективные предикторы экстремистских установок молодежи // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 58. С. 11-26.
9. Caspi A et al. Behavioral observations at age 3 years predict adult psychiatric disorders. Longitudinal evidence from a birth cohort // Archives of General Psychiatry, 1996. № 53. P. 1033–1039. DOI: 10.1001/archpsyc.1996.01830110071009
10. Dafflon D. Youth in Russia - The portrait of a Generation in Transition // A research report by the Swiss Academy for Development (SAD), 2009. P. 22.
11. Mattila V. M., Parkkari J. P., Rimpela A. H. Risk factors for violence and violence-related injuries among 14- to 18-year-old Finns // Journal of Adolescent Health, 2006. № 38. P. 617–620.

12. European report on preventing violence and knife crime among young people // World Health Organization cite. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0012/121314/E94277.pdf

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Antonjan Ju.M. Jekstremizm i ego prichiny / pod red. Ju. M. Antonjana. M.: Logos, 2010. 285 s.
2. Sostojanie prestupnosti Rossii (za janvar'-dekabr' 2019 g) // General'naja prokuratura Rossijskoj Federacii. Glavnoe upravlenie pravovoj statistiki i informacionnyh tehnologij. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/034/sbornik_12_2019.pdf
3. Harakteristika jekstremizma v molodezhnoj srede i ego profilaktika v obrazovatel'noj organizacii (po rezul'tatam jekspertnogo oprosa) / Kirsanov A. I., Davydov D. G., Zaval'skij A. V., Skribcova N. A. // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. M., 2014. №1. S. 21-39.
4. Kovalenko T. A. Vzaimosvjaz' jekstremistskih ustanovok molodezhi s osobennostjami ih vzaimootnoshenij s roditeljami // Regional'naja Rossija: istorija i sovremennost'. Materialy Vserossijskoj (nacional'noj) nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Komsomol'sk-na-Amure, 19 dekabrja 2018g.). Komsomol'sk-na-Amure: AmGPGU, 2018. S. 108-114. URL: <http://www.amgpgu.ru/activity/scinsce/benefits/4350/47823608/?id=16>
5. Lazarev D. A. Molodezhnyj jekstremizm v uslovijah transformirujushhegosja. rossijskogo obshhestva: problemy profilaktiki i protivodejstvija // Social'noe zdorov'e: problemy i reshenija. 2018. № 3. S. 144-158.
6. Sostojanie prestupnosti // Sajt Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. URL: <https://mvd.rf/reports>
7. Mihajlova O. Ju., Romanko O.A. Zhestokost' kak prediktor molodezhnogo jekstremizma // Mir nauki. 2016. Tom 4. №5. S. 1-10.
8. Jaremchuk S. V., Sitjaeva S. M. Pol, vozrast i vid zanjatosti kak ob#ektivnye prediktory jekstremistskih ustanovok molodezhi // Psihologicheskie issledovanija. 2018. T. 11, № 58. S. 11-26.
9. Caspi A et al. Behavioral observations at age 3 years predict adult psychiatric disorders. Longitudinal evidence from a birth cohort // Archives of General Psychiatry, 1996. № 53. P. 1033–1039. DOI: 10.1001/archpsyc.1996.01830110071009
10. Dafflon D. Youth in Russia - The portrait of a Generation in Transition // A research report by the Swiss Academy for Development (SAD), 2009. P. 22.
11. Mattila V. M., Parkkari J. P., Rimpela A. H. Risk factors for violence and violence-related injuries among 14- to 18-year-old Finns // Journal of Adolescent Health, 2006. № 38. P. 617–620.
12. European report on preventing violence and knife crime among young people // World Health Organization cite. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0012/121314/E94277.pdf

Поступила в редакцию 16.05.2020.

Принята к публикации 19.05.2020.

Для цитирования:

Соснина А.А. Особенности и причины экстремизма в молодежной среде // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 182-188. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/05/Sosnina.pdf>